

Петрухина Наталья Михайловна

"ВНУТРЕННИЙ ЧЕЛОВЕК" КАК ОСНОВА ИНТЕРФЕРЕНЦИИ "Пороговых" Личностных Психотипов в Романном Пространстве Ф. М. Достоевского

В статье рассматриваются вопросы мировоззренческой и эстетической состоятельности литературоведческой позиции о соотношении миропонимания и творчества Ф. М. Достоевского с экзистенциальным типом художественного сознания. В статье представлен анализ уровней соотнесённости художественных и философских экзистенциальных концепций А. Камю и С. Кьеркегора с экзистенциальными установками Достоевского.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/2/36.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (13). С. 115-117. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
2. Луман Н. Медиа коммуникации. М.: Логос, 2005. 280 с.
3. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проспект, 2002. 832 с.
4. Юдина Е. Н. Развитие медиапространства современной России (на примере телевидения): автореф. дисс. ... д-ра социол. наук. М., 2008. 50 с.

MEDIA-SPACE AS DISCOURSES FUNCTIONING FIELD

Natal'ya Nikolaevna Olomskaya, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Department of English Philology
Faculty of Romanic-Germanic Philology
Kuban' State University
olomnat@mail.ru

The author tackles the questions connected with discourses interaction in media-space, and pays special attention to the functioning of media-discourse, advertising discourse, as a part of media-space, and as for PR-discourse - it functions both in media- and social space.

Key words and phrases: media-space; media-discourse; PR-discourse; advertising discourse; micro-level; macro-level; hyper-text.

УДК 821.161.1

В статье рассматриваются вопросы мировоззренческой и эстетической состоятельности литературоведческой позиции о соотношении миропонимания и творчества Ф. М. Достоевского с экзистенциальным типом художественного сознания. В статье представлен анализ уровней соотносённости художественных и философских экзистенциальных концепций А. Камю и С. Кьеркегора с экзистенциальными установками Достоевского.

Ключевые слова и фразы: катарсическое страдание; внутренний человек; психотип; экзистенция; этика отчаяния; концепция возможностей.

Наталья Михайловна Петрухина, к. филол. н., доцент
Кафедра русской и зарубежной литературы
Узбекский государственный университет мировых языков
tatashap@mail.ru

«ВНУТРЕННИЙ ЧЕЛОВЕК» КАК ОСНОВА ИНТЕРФЕРЕНЦИИ «Пороговых» Личностных Психотипов в Романном Пространстве Ф. М. Достоевского[©]

В известной работе «Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский» академик В. Виноградов так определил особенности поэтики Ф. М. Достоевского: «...извилистая сложность и законченность стилистико-композиционного рисунка возвысилась над исторической условностью своей тематики и над ограниченностью тех смыслов, которые вложили в него современники» [2, с. 187].

Эти слова правомерно рассматривать как в контексте понимания особенностей индивидуального стиля писателя, так и в более широком аспекте - мировоззренческом и эстетико-художественном. Неограниченная возможность интерпретаций «смыслов» в творчестве Достоевского достигается также и за счёт того особого качества хронотопа, который всецело определил не только «стилистико-композиционный рисунок», но и всё текстовое пространство произведений писателя. Это качество «высшего реализма» (!!!) М. Бахтин определил как «главный предмет изображения человека на пороге последнего решения, в момент кризиса и незавершённого - и *непредопределяемого* - поворота его души» [1, с. 71].

Парадоксальным образом М. Хайдеггер, увлекающийся между прочим чтением Достоевского весь период 1910-20-х годов, тем же самым качеством наделяет «экзистенциальное пространство»: «пространство - однородная, ни в одной из мыслимых точек ничем не выделяющаяся, по всем направлениям равноценная, но чувственно не воспринимаемая разъятость» [7, с. 313].

Равнозначность «пороговости» реалиста Достоевского и «разъятости» экзистенциалиста Хайдеггера определяется в системе пространственного бытия «человека внутри человека» (термин Достоевского). В. В. Заманская не случайно отмечает, что «ощущение кризисности жизни, способность увидеть своего героя «за последней чертой» бытия отразила гениальная проза Достоевского, чей художественный опыт

наиболее приближается к типу сознания XX века и становится мощным фактором экзистенциализации литературы - не только русской, но и европейской» [4, с. 57].

«Поражение вселенской несправедливостью» можно считать отличительной чертой не только личностного мировоззренческого взгляда Ф. М. Достоевского, но и, в связи с авторской концепцией равноценности голоса автора и героев, принципом мироощущения практически всех его персонажей. Ощущая мировую несправедливость как личную трагедию, Ф. М. Достоевский создает новый тип художественной ментальности, обозначенной как «пороговая», и уже в этом контексте структурирует образную систему «пороговых» героев, стоящих перед катарсической проблемой выбора (в хронологической последовательности написания своих произведений). Присутствие изначально доброго (этически заданного) и социально злого начал в человеческой личности определяют экзистенциальную суть ее существования, являя собой особую систему психологических состояний героев, выявляемых в призме таких важных составляющих категории «смыслотраты» как свобода, вина, прозрение.

Романное пространство писателя представляет определённую целостность как в метафорико-хронологическом аспекте, так и нравственно-философском, и в контексте развития авторской идеи о постижении тайны человеческой личности как высшей экзистенциальной данности, структурируется по принципу равнозначного со-присутствия всех субъектных голосов-сознаний (по концепции М. Бахтина) - самооценных, самодостаточных, равнозначных.

Таким образом осуществляется интерференция «пороговых» психотипов в некий единый образ, который можно определить как «внутренний человек Достоевского». В этом психотипе равноценно сосуществуют порой совершенные антиномичные характеры: в романе «Преступление и наказание» - образы Свидригайлова и Раскольникова, в «Идиоте» - Парфен Рогожин, Ипполит Терентьев и князь Мышкин, в «Бесах» - Петр Верховенский и Ставрогин, в «Братьях Карамазовых» - образы Ивана Карамазова, Алёши Карамазова и Смердякова.

Злое начало, присутствующее в человеке, представлено в системе дифференцированных трансформаций «сатанинского» и определяет инвариантное воплощение отрицательных координат личностной характеристики образов так называемых отрицательных героев. Ощущение вседозволенности у одних героев является абсолютным, у других становится «пороговым» в контексте нравственного ощущения собственной исключительности, в призме этой философии «сверхчеловека» и разворачивается концепция жизни, основанная на уверенности собственной избранности и своей личностной равнозначности Богу.

Типологизация героев Достоевского по принципу соотнесённости с экзистенциально заданными установками личности на состоятельность «сверхчеловечности» не исключает концептуальную психологическую индивидуализацию каждого отдельного персонажа, каждый из которых находится не только в диалогических отношениях с другими (работает особая система «самодвойников») в контексте фабульно-сюжетной повторяемости жизненных коллизий, принципов и взглядов на жизнь, но и особо осознает роль божественного начала в своей судьбе (в парадигме образов «Богочеловек - Человекобог»), тем самым представляя в палитре творчества писателя звучащую какофонию-симфонию картины реального мира.

Смерть таких героев Достоевского как Свидригайлов, Ставрогин, Смердяков не нелепость, не бессмысленность, она полный конец их метафизического бытия. Болезненное переживание натурой героев скептического отчаяния и душевной опустошенности выливается в неосознанное ими чувство вины, которое и является рычагом к самоубийству. Парадоксальным образом мироощущение героев реалиста-Достоевского соотносится с классическим экзистенциальным мироощущением Мерсо, героя романа экзистенциалиста-Камю «Посторонний»: «Всё - всё равно, всё не имеет значения, и я прекрасно знаю почему. И он тоже знает. На протяжении всей моей нелепой жизни, через ещё не наступившие годы, из глубины будущего неслось мне навстречу сумрачное дуновение и равняло всё на своём пути, и от этого всё, что мне сулили и навязывали, становилось столь же призрачным, как те годы, что я прожил на самом деле. Что мне смерть других людей, любовь матери, что мне его бог, другие пути, которые можно бы предпочесть в жизни, другие судьбы, которые можно избрать, - ведь мне предназначена одна единственная судьба, мне и ещё миллиардам избранных, всем, кто, как и он, называют себя моими братьями» [5, с. 96].

Отчуждённость от жизни и людей Мерсо не совсем равнозначна той сознательной отгороженности, сродни «отрешенности», героев Достоевского, которая становится основой для их личной философии своей исключительной «избранности». Например, Раскольников в своей философии «наполеонизма» позиционирует свою миссию освободителя мира от гнёта «старухи-процентщицы». Для Мерсо роль избранного не определяется никакой миссией, а только исключительно внутренней свободой от всего, и в первую очередь от чувства вины за что-либо вообще. Он свободен от любого соотнесения своей *existence* с внешним миром - на уровне долга, права и обязанностей, на уровне чувств и привязанностей.

В этом контексте категория вины в экзистенциальном пространстве романов реалиста-Достоевского становится внутренней доминантой, позволяющей проанализировать осознание героями собственной вины и являющейся первым шагом к искуплению, к грядущему катарсису, с наступлением которого человеческая душа должна обрести гармонию, мир, покой и очищение. И в этом принципиальное отличие Достоевского-реалиста, выводящего своих героев из «порогового» пространства в «мир с Богом», от экзистенциальной разрывности «мира без Бога». Сакральность этого действия подчеркнута писателем, часто в качестве доминантных концептов использующим инвариантные образы «чудо» и «тайна», которые в романах Достоевского являются словами-понятиями, символически выражающими диалектику человеческого познания.

Достаточно очевидны в этом плане фоновые точки взаимопересечений художественной философии Достоевского и экзистенциальной философии С. Кьеркегора. Концепция «возможностей» С. Кьеркегора, определяемая самим автором как «единственная сила, способная спасти человечество», рассматриваемая как альтернативность формуле «красота спасет мир», помогает переосмыслить традиционное освещение экзистенциально означенных «проклятых вопросов» в творчестве Ф. М. Достоевского.

Весь категориальный анализ С. Кьеркегор преобразует в соответствии с экзистенциальным решением проблемы человека. Такие категории как смерть, отчаяние, страх, вера, дух в его философии тесно взаимосвязаны с жизнью отдельного человеческого существования и являются основой для формирования сознания и подсознания личности каждого.

В своих христианско-экзистенциальных репрезентациях Достоевский идёт ещё дальше - он доказывает философию равноценности отрицательных (сатанинских) и положительных (божественных) начал в душе человека как единственного условия для абсолюта Гармонии личности. Концепция «возможностей» Достоевского основана на том, что человек сам вправе выбирать свою экзистенциальную доминанту - например, Соня Мармеладова при всей внешней греховности внутренне чиста, а князь Мышкин при глубинной внешней «святости» внутренне не лишён определённых «греховных страстей».

Большую часть смертных человеческих грехов С. Кьеркегор объясняет наличием страха, но если у Достоевского это чувство сферы субъективности, то датский философ-экзистенциалист дифференцирует страх объективный («страх невинности, который является сообразно своей возможности рефлексией свободы в самой себе» [6, с. 156]) и субъективный («вина, которая вдруг появляется в страхе вместе с качественным прыжком, будет содержать в себе ту же степень исчисляемости, что и вина Адама, страх же будет иметь ту же самую двузначность» [Там же, с. 160]), полагая, что они оба соотносятся с прасознанием личности. Реализм Достоевского в том и проявляется, что по его трактовке, страх есть чувство самосознания личности, постулирующей «бытие-в себе».

В понимании Достоевского чувство вины не есть следствие страха, а есть возможность «катарсического» искупления за преступление, детерминированная субъективным страхом, который рождается чаще всего вследствие экзистенциального бунта и в процессе трансформации в смирение выливается в катарсическое страдание, являющееся психологическим и художественным концептом «внутреннего человека» в творчестве Ф. М. Достоевского.

Список литературы

1. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
2. Виноградов В. Поэтика русской литературы. М.: Наука, 1976.
3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 15-ти т. М.: Наука, 1972.
4. Заманская В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века: диалоги на границах столетий. М.: Флинта; Наука, 2002.
5. Камю А. Избранное: сборник / пер. с франц., составл. и предисл. С. Великовского. М.: Радуга, 1989. 464 с.
6. Кьеркегор С. Страх и трепет / пер. с дат. М.: Республика, 1993. 383 с.
7. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993.

“INTERNAL MAN” AS INTERFERENCE BASIS OF “THRESHOLD” PERSONAL PSYCHO-TYPES IN F. M. DOSTOEVSKII’S NOVEL SPACE

Natal'ya Mikhailovna Petrukhina, Ph. D. in Philology, Associate Professor
*Department of Russian and Foreign Literature
Uzbek State University of World Languages
tatashap@mail.ru*

The author considers the questions of the world-view and aesthetic consistency of the literary position about the correlation of F. M. Dostoevskii's world understanding and creativity with the existential type of artistic consciousness, and presents the analysis of the correlation levels of A. Camus and S. Kierkegaard's artistic and philosophic existential conceptions with Dostoevskii's existential guidelines.

Key words and phrases: catharsis suffering; inner man; psycho-type; existence; despair ethics; possibilities conception.